

Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета

English version: [Yurevich A.V. The structural elements of national mentality](#)

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Предпринимается попытка структурировать национальный менталитет. В качестве основных структурных элементов национального менталитета рассматриваются: язык, коллективная память, социальные представления, коллективные чувства, эмоции и настроения, коллективные нормы, ценности и отношения, ментальные репрезентации культуры, стиль мышления и социального восприятия, национальный характер и темперамент, поведенческие образцы, национальная идентичность.

Ключевые слова: менталитет, национальная идентичность, коллективная память, ценности, язык, культура, национальный характер, национальный темперамент

Понятие менталитета

Понятие менталитета, особенно в словосочетании «российский менталитет», превращается, если уже не превратилось, в один из самых популярных терминов современной российской психологии и смежных с ней наук. Отмечается, что «в конце XX в. в отечественной науке предметом широкого дискурса становится проблема менталитета» [Буянова, 2006, с. 168], что «исследования российской ментальности, самосознания и самоосознания интеллигенции становятся одними из самых актуальных в последние десятилетия» [Гусельцева, 2012, с. 46]. Пишут также, что «в последние пятнадцать лет в отечественных социальных науках нарастало использование термина «менталитет» в самой разнообразной трактовке» [Семенов, 2007, с. 95], что «актуальность изучения проблемы менталитета не требует доказательств».

Влияя на отражение происходящего в мире и стране, менталитет является фактором построения интегрального образа реальности (картины мира) и, соответственно, регулятором поведения людей» [Гостев, 2010, с. 22]. Высказывается мнение о том, что «проблема менталитета занимает центральное место в структуре исторической психологии; она в значительной степени определила становление этой отрасли знания» [Артемьева, 2010, с. 298]. Употребляются такие термины, как «парадигма ментальностей» [Родштейн, 2006] и т.п. А «менталистика» уже фигурирует в качестве самостоятельной исследовательской области [Акопов и др., 2006].

Отмечается и то, что в отечественной науке дореволюционного периода это понятие не использовалось, а для характеристики менталитета российские ученые предпочитали использовать другие, но идентичные по содержанию понятия – «национальный, народный характер», «психический склад нации», «дух народа» и др. [Артемьева, 2010]. Само понятие появилось в отечественной психологии сравнительно недавно – в 1990-х гг. Однако по существу в других терминологических обозначениях систематическая разработка этой проблемы началось в российской науке – истории, этнографии, географии, намного раньше – в 19-м веке [Там же].

Корни понятия «менталитет» усматриваются в работах Ш.Монтескье, Ж.Б.Вико, И.Гердера, Г.В.Ф.Гегеля, Д.Локка, Ф.Бекона и др. [Додонов, 1998]. Систематическое же исследование проблемы

ментальности принято связывать со школой «Анналов», сложившейся во Франции в 20–30-е годы прошлого века под знаменем так называемой *Новой истории*, представленной именами М.Блока, Л.Февра и др. [Буянова, 2006]. Однако первым, по-видимому, ввел этот термин Л.Леви-Брюль в своей книге «Первобытный менталитет», увидевшей свет в 1921 г.

Ю.В.Буянова выделяет три этапа в развитии понятия «менталитет». На первом этапе оно латентно вызревает в исследованиях, по существу посвященных проблемам менталитета, но использующих другие термины: «психика народа», «дух народа», «этническое сознание» и др. На втором этапе происходит выделение этого понятия в школе «Анналов». На третьем начинается его использование разными науками – психологией, социологией и этнологией, что «отражает тенденцию современного знания к интеграции и междисциплинарному исследованию психологии народа» [Буянова, 2006, с. 170].

Причины широкого обращения отечественной науки к проблеме менталитета связываются с тем, что «ее актуальность обусловлена необходимостью изучения и предупреждения межнациональных конфликтов» [Там же. С. 168], с тем, что появление этого понятия является определенным этапом самосознания и самоутверждения нации [Российская ментальность, 1994].

Ю.В.Буянова утверждает, что «в годы тоталитаризма употребление данного термина в научных публикациях было невозможным» [Буянова, 2006, с. 169], оставляя эту очень важную констатацию без объяснения. Г.В.Акопов с коллегами связывает растущую популярность «менталистики» с транзитом нашей страны к демократии, рыночной экономике и т.п., с ее переориентацией в «ментальной дихотомии» Запад-Восток и т.п. [Акопов и др., 2006].

Еще чаще причины усматриваются в том, что отечественные реформы, осуществляемые по западным сценариям, в наших условиях дают неожиданные и преимущественно негативные результаты, поскольку не учитывают особенности российского менталитета [Семенов, 2007], и с другими подобными причинами. Причем подобная ситуация была характерной для середины XIX века, вообще регулярно воспроизводится со времен реформ Петра I [Гусельцева и др., 2012], и уже не одно столетие звучат утверждения о том, что «процесс реформирования не был приспособлен к самобытности России, к особенностям национальной психики» [Там же. С. 21].

Так или иначе, понятие «менталитет» оказалось не только очень востребованным современной российской реальностью, но по-своему и очень удобным для объяснения происходящего, обнаружив свой незаурядный потенциал в выполнении как объяснительных, так и идеологических и прочих (оправдание нашей неспособности жить по западным образцам и т.п.) функций.

При этом сразу же обозначился ряд тенденций, характерных для использования данного понятия по сей день.

Во-первых, особенностям российского менталитета, которым посвящали хорошо известные произведения отечественные мыслители еще прошлого века, в частности пассажиры «корабля философов»^[1], уделяется куда большее внимание, чем самому понятию «менталитет», которое остается очень аморфным, плохо определенным и «малоконсонантным» – по-разному понимаемым и наполняемым разным смыслом различными исследователями.

Во-вторых, оно используется как практически синонимичное с такими понятиями, как «дух народа» и «национальный дух» (этими понятиями оперировал В.Вундт), «национальная психология», «национальный характер», «психологические особенности народа», «базовая личность», «модальная личность», «этническое бессознательное», «коллективная душа», «народное сознание» (и бессознательное), «национальное самосознание», «национальный склад ума»^[2] и т.п., и остается непроясненным, имеются ли между ними какие-либо, кроме чисто языковых, различия.

В-третьих, отсутствуют сколь-либо удовлетворительные попытки структурировать менталитет, выделить его основные компоненты, четко определить, что именно это понятие охватывает.

Можно проследить и эволюцию исследовательских интересов в системе подобных, имеющих между собой много общего, понятий. Поначалу в соответствующей литературе доминировало понятие

«национальный характер». Затем наблюдалось «изгнание темы характера из психологии и замена интегрального понятия «характер» понятием «личностных черт» или просто понятием «личность» [Насиновская, 1998, с. 180]. Однако, как отмечает Т.Г.Стефаненко, «в последнее время и понятие “национальный характер” вслед за понятиями базовой и модальной личности покидает страницы психологической и культурноантропологической литературы. Ему на смену для обозначения психологических особенностей этнических общностей приходит понятие “ментальность”» [Стефаненко, 1999, с. 139].

В общем, можно констатировать, что понятие «ментальность» или «менталитет» оказалось «лучше» других понятий, имеющих сходную предметную область, и одолело их в своего рода конкурентной борьбе понятий, очевидно, имея перед ними ряд преимуществ[3]. Более того, по мнению Т.Г.Стефаненко, «с первых шагов становления этнопсихологии крупнейшие ее представители изучали именно ментальность, хотя и под другими названиями» [Там же. С. 140]. В качестве исследователей, оперировавших аналогами этого понятия, Т.Г.Стефаненко называет В.Вундта, Ф.Хсю, Г.Г.Шпета, Л.Леви-Брюля, Г.Триандиса [Там же].

Определения менталитета

По мнению многих авторов, обращающихся к проблеме менталитета, «можно сделать вывод, что удовлетворительного определения понятия «менталитет» пока не существует» [Лурье, 1997, с. 45], а «наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп и т.д. еще крайне ограничено» [Гостев, 2010, с. 22]. Один из представителей школы «Анналов» Ж.Дюби отмечает как многоплановость, так и невозможность однозначного перевода базового франкоязычного термина, означающего одновременно и «умонастроение», и «мыслительную установку», и «коллективные представления», и «воображение», и «склад ума», и «видение мира» [Буянова, 2006].

Участники прошедших в нашей стране конференций («Менталитет и аграрное развитие России», 1996; «Менталитет и культура предпринимателей России», 1996, и др.) тоже отмечают терминологическую неопределенность понятий «менталитет» и «ментальность» [Буянова, 2006]. Любопытно, что в этом иногда видится и их достоинство.

Как пишет Т.Г.Стефаненко, «многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина «ментальность» достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя ее к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира» [Стефаненко, 1999, с. 141].

Недоопределенность понятия «менталитет» содействует расширению области его значений, а также отделению от его этнических корней. Так, сейчас принято говорить не только о менталитете народов, но и о менталитете различных социальных групп вне какого-либо этнического контекста.

Необходимо обозначить и ряд объективных трудностей, препятствующих выработке строгого определения понятия «менталитет» и очерчиванию области его значений.

1. Историчность менталитетов, их изменчивость во времени и зависимость от трансформаций общества (что не опровергает обратной зависимости – изменений общества от ментальных особенностей народов). Так, например, изменения российского менталитета в последние годы обуславливают доходящие до жарких идеологических споров разногласия относительно того, какие черты ему все еще свойственны, а какие – уже нет.

Скажем, авторы проведенного в 2008 г. исследования констатируют: «Сравнение России с другими европейскими странами явно свидетельствует, что у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им «эгоистических ценностей» [Цит. по: Национальная идея России,

2012, с. 457–458]. По их данным, «средний россиянин сильнее, чем жители большинства других включенных в исследование европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию» [Там же. С. 458]. Естественно, подобная характеристика нашего менталитета, сильно противоречащая стереотипным представлениям о нем, вызвала крайне негативную реакцию [Там же].

Классики исследований национального характера акцентировали *устойчивость* его основоопределяющих черт. Л.Леви-Брюль писал: «Какими бы значительными ни были внешние изменения в образе жизни, менталитет остается прежним, потому что продолжают сохраняться основные институты группы» [Леви-Брюль, 2002, с. 332]. Из этого высказывания остается, правда, неясным, что происходит с менталитетом в том случае, когда изменяются «основные институты группы».

И.А.Сикорский пытался доказать, что русским людям его времени присущи те же черты, которые отличали их далеких предков 1000 лет назад (подробнее см. [Артемьева, 2010]). Он подчеркивал, что одной из таких черт является религиозная и национальная терпимость [Там же], в существование которой в современной России уже трудно поверить. Еще более любопытным примером служит выделение И.А.Сикорским такой инвариантной черты русского национального характера, как нравственное самосохранение, проявляющееся, в частности, в оберегании себя от таких зол, как самоубийства и преступления. В подтверждение он приводит статистические данные о количестве самоубийств на 1 млн чел. в 1818 г.: Саксония – 311, Франция – 210, Пруссия – 133, Австрия – 130, Бавария – 90, Англия – 66, Россия – 30 [Там же].

Спустя 200 лет наша страна оказалась одним из мировых лидеров по количеству самоубийств, убийств и других видов преступлений на 100 тыс. жителей [Доклад о развитии человека, 2007]. Это, естественно, ни в коей мере не опровергает выводов И.А.Сикорского, но демонстрирует, что некоторые черты национального менталитета могут обладать *потенциальной* изменчивостью и, оставаясь неизменными в течение тысячи лет, способны радикально измениться в последующем.

Некоторые особенности менталитета могут быть в большей степени свойственны определенным эпохам, чем народам. Например, такие черты российского менталитета, описываемые Н.А.Бердяевым, как «нигилизм и апокалиптика», т.е. перманентные отрицание прошлого и мечтательность о будущем [Бердяев, 1992], как отмечают различные исследователи, в не меньшей мере свойственны французам эпохи Французской революции и вообще народам, переживающим революционные периоды.

2. Наличие в составе любого народа различных этнических групп, менталитеты которых подчас различаются очень существенно. Например, когда речь идет о российском менталитете, «понятно, что не надо забывать и о других конфессиональных менталитетах, прежде всего российско-исламском, втором по распространенности среди религиозных менталитетов России» [Семенов, 2007, с. 96]. Народы, живущие в разных государствах, могут иметь более родственные менталитеты, чем граждане одной страны. Скажем, близость менталитетов русских, украинцев^[4] и белорусов показана во многих исследованиях [Кириенко, 2005] и выглядит настолько естественной, что вряд ли нуждается в комментариях.

3. Сосуществование в рамках национальных менталитетов различных личностных и социальных типов, которым свойственны более частные менталитеты^[5]. Это побудило В.Е.Семенова ввести понятие *полиментальности* как более отвечающее многокомпонентной реальности, нежели неизбежно нивелирующее индивидуальные особенности представление об относительно едином – для нации – менталитете.

В частности, в современном российском обществе В.Е.Семенов выделяет четыре основных типа менталитета: 1) российско-православный; 2) коллективистско-социалистический; 3) индивидуалистско-капиталистический; 4) криминально-групповой, к которым добавляет пятый – мозаично-эkleктический, называя его «псевдоменталитетом» [Семенов, 2007]. Характеристика этих менталитетов выделившим их автором не оставляет сомнений в том, что психологические различия между их носителями – не меньшие, чем между представителями разных народов, причем не самых близких, а то и рас.

Выявлены и различия в ментальности социальных групп. Так, К.А.Абульханова показывает, что предпринимателям свойственно преимущественно субъект-объектное сознание, а интеллигенции – субъект-субъектное [Российский менталитет, 1997].

Заговорили также о таких видах российской ментальности, как провинциальная ментальность, которой уже был посвящен ряд конференций, а также ее более частные виды, например поволжская ментальность [Акопов и др., 2006].

К идее полиментальности близка выдвинутая этнологами идея мультимодальных обществ, согласно которой «каждый народ представлен не одной модальной личностью [6], а несколькими переходными формами между ними» [Стефаненко, 1999, с. 64]. Е.А.Тимофеева подчеркивает, что «каждый народ, нация, этнос или любая другая общность складывается из отдельных личностей, поэтому при рассмотрении проблем национального менталитета необходимо учитывать, что и национальный менталитет включает в себя индивидуальные менталитеты отдельных личностей, принадлежащих к той или иной нации или же относящих себя к ней» [Тимофеева, 2006, с. 554].

Из всего этого неизбежно вытекает *мозаичность* менталитетов как народов, так и конкретных личностей. Так, например, менталитет любого конкретного россиянина включается в себя ключевые характеристики: а) российского менталитета в целом; б) менталитета той конкретной нации, к которой он принадлежит; в) менталитета жителей региона, где он проживает; г) менталитета городского или сельского жителя; д) менталитета жителей конкретного города – Москвы, Санкт-Петербурга, Томска и др. – или села; е) менталитета той (тех) социальной группы, к которой (которым) он относится; ж) менталитета представителя мужского или женского пола и т.п.

4. Релятивность характеристик национальных менталитетов, их зависимость от идеологических позиций авторов таких характеристик и отношения к носителям данных менталитетов, а также от перцептивных позиций и исходных точек отсчета.

Исследование, проведенное в Венесуэле, продемонстрировало, что жители этой страны воспринимают русских как амбициозных, материалистичных, трудолюбивых, хитрых, религиозных и не внушающих доверия, а народом, наиболее близким им по психологическому складу, считают ... китайцев [DeCastro Aguirre, 1967]. Восприятие наших сограждан жителями тех стран, куда мы сейчас наиболее часто ездим отдыхать, формируется на основе особенностей поведения российских туристов и тоже, как правило, сильно отличается от традиционных образов российского национального характера. А его описание самими россиянами обнаруживает очевидную связь с тем, к какой идеологической категории, например, к западникам или славянофилам, либералам или патриотам и т.п. они принадлежат.

Например, Е.Г.Синякина обозначает на «психологическом портрете» русского крестьянина дореволюционного периода такие качества: «трудолюбие; умение терпеливо и достойно переносить трудности, сила воли и мужество в их преодолении; глубокая религиозность и одновременно тяга к просвещению; широта русской души; соборность; милосердие и сострадание к ближнему; музыкальность и поэтичность; неразрывная связь с землей; гостеприимство, толерантность, терпение, независимость, честность; чувство собственного достоинства» [Синякина, 2010, с. 603].

Легко видеть, что в этом списке представлены только положительные качества, а негативные черты у русского дореволюционного крестьянства либо вообще отсутствовали, либо они имелись, но автор избегает их описания. Исключительно в позитивном свете выглядит и купеческая ментальность, в частности то, что «благотворительность и меценатство, внедрение технологических и организационных инноваций в конце XIX – начале XX в. становятся основами и отличительными чертами московского купечества, их своеобразной визитной карточкой» [Ахмарова, 2006, с. 461].

Иногда, напротив, акцентируются преимущественно негативные качества [7] российского менталитета, такие как нелогичность, несистематичность и утопичность мышления, импульсивность, лень и неумение постоянно и организованно трудиться, склонность к самоуничтожению, неаккуратность, неряшливость, стремление сделать все побыстрее и «спустя рукава», максимализм, нетерпимость, фанатизм, низкий уровень быта, неумение его организовать и т.д. [Гусельцева и др., 2012].

При постоянно подчеркиваемой противоречивости российского менталитета, сосуществования в нем как положительных, так и отрицательных качеств, а также типичности попыток представить положительные качества как «продолжение» отрицательных или наоборот (подробнее см. [Гусельцева, 2012]) вопрос о том, какой его образ – позитивный или негативный – более соответствует действительности, по-видимому, вообще лишен смысла, поскольку все определяется фокусом анализа.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, едва ли интерес к проблеме особенностей российского менталитета был бы столь велик и постоянен, если бы с этим менталитетом все было благополучно и он характеризовался бы только положительными качествами. Во-вторых, *прагматический* ракурс, в котором эта проблема рассматривалась с первых шагов ее изучения – направленность исследований на выявление тех наших черт, которые препятствуют нормальному развитию России и от которых нам, по возможности, следует избавляться [Там же].

Подобные обстоятельства во многом размывают понятие менталитета, а подчас и порождают представления об эфемерности соответствующей реальности. Например, бывший помощник бывшего президента России Г.Сатаров на одном из семинаров, посвященных российскому менталитету, высказал точку зрения о том, что менталитетов вообще не существует, однако соответствующее понятие бесполезно, как полезны физические понятия, описывающие реальность, которую нельзя зафиксировать.

Другим закономерным результатом размывания базового понятия в результате сосуществования в любом обществе различных видов ментальности является использование категории «доминирующая ментальность» (по существу, эквивалентной понятию модальной личности, широко распространенному в психологии) и других подобных категорий, позволяющих одновременно и сохранить идею психологической общности любого народа, и учесть сосуществование в ее рамках большого количества индивидуальных и групповых различий.

Структурирование менталитета

Несмотря на подобные, вполне объективные, трудности в определении понятия «менталитет», в его характеристиках, правда, не претендующих на статус четкого и однозначного определения, а, скорее, задающих некоторую нестрогую очерченную область понимания данного явления, явно нет недостатка.

Пишут о том, что «менталитет – это нематериализуемая составляющая традиции» [Лурье, 1994, с. 44]; «совокупность сознательных и бессознательных [8] установок, сопряженных с этнической традицией» [Там же. С. 45]; «совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений» [Стефаненко, 1999, с. 89]; «некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели» [Там же. С. 45]; «направленность и склад мышления личности и социальной группы» [Тимофеева, 2006, с. 554]; «исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» [Семенов, 2007, с. 95]; «некое социально-психологическое образование, присущее этносу, нации, народу, стране» [Там же. С. 95]; система взаимосвязанных образов, включая неосознанные, которые лежат в основе коллективных представлений о мире [Вяльцев, 2004]; специфика психической жизни людей, детерминированная экономическими и политическими условиями [Дубов, 1993].

Французские историки, принадлежавшие к школе «Анналов» и выступившие инициаторами введения понятия «ментальность» в научный оборот, писали, что это «система образов ... которые ... лежат в основе человеческих представлений о мире и своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [Цит. по: Стефаненко, 1999, с. 140].

При этом, как подчеркивает Т.Г.Стефаненко, «при таком понимании ментальности трудно переводимое на иностранные языки французское слово *mentalite* ближе всего оказывается к русскому слову *миропонимание*, характеризующему общественные формации, эпохи или этнические общности» [Там же. С. 140] [9]. Вместе с тем, как подчеркивает В.А.Шкуратов, во французском языке

это слово весьма многозначно и обозначает не только мышление, но также умонастроение, мыслительную установку, воображение и склад ума [Шкуратов, 1997].

Предпринимаются и попытки *структурировать* менталитет, выделив его основные составляющие. Например, утверждается, что структуру менталитета образуют «картина мира» и «кодекс поведения» [Усенко, 1994]. Представители вышеупомянутой школы «Анналов» подчеркивали, что ментальность представляет собой не набор характеристик, а *систему* взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы [Стефаненко, 1999]. С.В.Лурье выделяет «центральную зону» ментальности, включающую локализации источников добра, Мы-образ и образ покровителя; локализации образа зла – образа врага; представления о способе действий, при котором добро побеждает зло [Лурье, 1994].

Таким образом, в «центре» ментальности оказываются нравственные категории. Духовно-нравственные смыслы, символы мифологического, мистического и религиозного содержания считает важным компонентом ментальности и А.А.Гостев [Гостев, 2010], при этом видя в основаниях «метафизики коллективного бессознательного» *главную опору* менталитета [Там же. С. 24].

При трактовке понятий «менталитет» и «ментальность» как синонимов «под ментальностью понимается глубинный пласт общественного сознания, совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом» [Национальная идея России, 2012, с. 385].

Отмечается, что ментальность «консолидирует народ на основе общих ценностей, моделей поведения, традиций, жизненного уклада, культуры и заложена, если не сказать запрограммирована, на уровне сознания – как индивидуального, так и массового» [Там же. С. 385]. «Комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций, обозначаемых емким термином «ментальность», позволяет достигать более адекватного познания умонастроения масс в конкретную эпоху, поведения различных слоев, этносов, их представлений о себе, своей культуре, особенностях своего исторического развития» [Там же. С. 386], а «базовыми характеристиками менталитета выступают коллективность, неосознанность или неполная осознанность, устойчивость» [Там же. С. 386][10].

Выделяются и такие структурные составляющие менталитета, как национальная идея и национальный прототип (как образ положительного национального героя) [Вяльцев, 2004].

Приведенные утверждения хорошо иллюстрируют отмеченные выше особенности использования понятия «менталитет». Во-первых, его неотграниченность от близких понятий. В частности, авторы приведенных цитат переходят от понятия «менталитет» к понятию «ментальность» так, как будто они совершенно эквивалентны. Во-вторых, неопределенность его наполнения: одни и те же авторы в качестве составляющих менталитета / ментальности указывают то одни, то другие элементы. В-третьих, неопределенность его «локализации», в частности отнесение менталитета то к уровню сознания, то к уровню бессознательного, то к обоим этим уровням одновременно, а также очень произвольное оперирование этими категориями историками и этнографами. В-четвертых, объяснительная полифункциональность данного понятия, тенденция объяснять на его основе практически всё, относящееся к нации и ее истории.

Структурные элементы менталитета

Если менталитет, в его наиболее широком понимании, представляет собой совокупность психологических качеств, отличающих данный народ от других народов, то естественно предположить, что практически отсутствуют психологические элементы, которые не входили бы в структуру менталитета, – в противном случае пришлось бы признать полную тождественность некоторых психологических характеристик разных народов. Иными словами, *любой* психический элемент, относимый к уровню психологии народов, всегда в какой-то степени специфичен для данного народа и, соответственно, является составным элементом его менталитета.

Вместе с тем реализация данного, вроде бы достаточно очевидного, утверждения ведет к

практической бесконечности элементов менталитета и размыванию этого понятия. Поэтому целесообразно выделить как минимум набор *базовых компонентов* национального менталитета, составляющих его *ядерный слой*. Представляется, что к числу таковых относимы, в первую очередь: 1) коллективная память; 2) социальные представления, установки и отношения; 3) закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения; 4) нормы, ценности и идеалы; 5) национальный характер и темперамент; 6) язык; 7) ментальные репрезентации культуры; 8) стиль мышления и социального восприятия; 9) поведенческие образцы; 10) национальная идентичность.

Прежде всего отметим, что некоторые из обозначенных элементов традиционно включаются в структуру менталитета, многократно описаны в этом качестве и едва ли нуждаются в дополнительных уточнениях. Таковы, например, социальные представления и закрепляющие их коллективные эмоции, а также стили мышления, ценности и др. Напомним, что менталитет часто характеризуется как «совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений» [Стефаненко, 1999, с. 89]; «некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели» [Там же. С. 45]; «исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» [Семенов, 2007]; умонастроение, мыслительная установка, воображение и склад ума [Шкуратов, 1997]; «кодекс поведения» [Усенко, 1994]; знания и верования, составляющие в совокупности представления о мире [Дубов, 1993]; совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом [Национальная идея России, 2012]; общие ценности, модели поведения, традиции, жизненный уклад [Там же. С. 385]; комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций [Там же. С. 386].

В приведенных выше определениях и соответствующих «наполнениях» понятия «менталитет», некоторые его составляющие, если вынести за скобки терминологические различия в их обозначениях, выглядят достаточно инвариантными. Таковыми являются: 1) когнитивные компоненты менталитета – социальные представления[11], сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, воображение, склад ума и т.п.; 2) его аффективные и нормативно-ценностные компоненты, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску и закрепление; 3) модели поведения, стереотипные реакции, традиции, жизненный уклад и т.д.

При этом в структуре менталитета нетрудно разглядеть три основных компонента социальных установок – когнитивный, эмоциональный и поведенческий[12], с тем очевидным отличием от социальных установок, что *каждый* из соответствующих компонентов менталитета в свою очередь включает социальные установки в единстве их трех компонентов, то есть в нем происходит своего рода удвоение этой трехкомпонентности.

Вместе с тем описание ядерной части менталитета требует расширения описанной схемы и уточнения ее структурных элементов. Можно согласиться с А.А.Гостевым в том, что «исследуя проблему менталитета, следует искать дополнительные понятия, закономерности, неосвоенные психологией» [Гостев, 2010, с. 24], а также другими науками.

Прежде всего, одним из базовых компонентов менталитета можно считать *коллективную память*. В терминах автора этого понятия М.Хальбвакса, коллективные воспоминания интерессубъектной природы [Halbwachs, 1950] репрезентируют в менталитете народа его коллективное прошлое, тоже в значительной мере эмоционально окрашены, а, по словам Дж.Ассмана, не просто воспроизводятся в настоящем, но и во многом определяют его [Assman, 1997]. «Анализируя нарративы коллективной памяти, мы понимаем, кем мы являемся сегодня», – пишет Дж.Верч[13] [Верч, 2009, с. 37].

Коллективная память тоже очень идеологизирована, содержит не только воспоминания о реальных событиях, но и «легенды» памяти, подвержена влиянию различных защитных механизмов, таких как вытеснение событий и их искажение, а «эмоциональный заряд некоторых воспоминаний настолько силен, что их можно считать основой психологического единства нации» [Емельянова, 2009, с. 28]. Как подчеркивает Т.П.Емельянова, представленное в виде коллективной памяти «прошлое бытует в менталитете общества» [Там же. С. 28], являясь его важной составляющей.

Вообще следует отметить, что каждый народ «маркирует» свою историю наиболее значимыми событиями, которые и занимают наиболее заметное место в его коллективной памяти. В нашей коллективной памяти такими событиями являются татаро-монгольское иго, «прорубание окна в Европу», различные войны, особенно отечественные, революция 1917 г. и т.п. И, собственно говоря, выражение «знать историю» означает знание именно этих событий – ее *дискретных*, «клиповых» фрагментов, времени, когда эти события произошли, и основных сопутствующих им обстоятельств, а не всей той *непрерывной* жизни общества, которая образует реальную историю.

Роль культурогенетической или «культурной памяти», представляющей собой «исторические записи» – в виде народных обычаев, традиций, обрядов, суеверий и т.д. – акцентирует также А.А.Гостев [Гостев, 2010, с. 24], обращающий внимание на такой психологический феномен, как «коллективные сновидения» [Там же].

К числу основных компонентов национального менталитета явно стоит отнести и *язык* в его собственно психологическом выражении. Согласно А.А.Потебне, народность – это скорее ощущение общности, народного единства в смысле «общения мысли, устанавливаемого единством языка» [Цит. по: Гусельцева и др., 2012, с. 16]. В мышлении и языке видел основу национальной психологии также Д.Н.Овсяннико-Куликовский, аргументируя его роль тем, что до усвоения родного языка ребенок не обладает национальными психологическими признаками [Там же]. Роль языка, а также мифов и обычаев в качестве основных элементов «национального духа» рассматривал и В.Вундт, писавший: «Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи» [Вундт, 1998, с. 220].

Действительно, значение языка в качестве одновременно составляющей, выразителя и детерминанты национального менталитета, акцентированное многими авторами, трудно переоценить. Закономерно, что «В понятие “народной души” (одно из родственных понятию менталитета – А.Ю.) часто включали язык, являющийся родным для представителей данной нации» [Гусельцева и др., 2012, с. 15]. При этом существенно подчеркнуть, что речь идет не столько о реальном использовании языка, сколько о его символической роли в формировании чувства общности с группой [Донцов и др., 1997].

В ядерную часть менталитета следует включить и *ментальные репрезентации всех основных элементов национальной культуры* – от народных сказок до наиболее значимых для народа литературных произведений, памятников архитектуры и т.п. (см., например, [Малафеева, 2010]). Символично, причем во многих отношениях, что если во французской, проистекавшей из школы «Анналов», а также во многом основанной на ней российской традиции ключевым для характеристики особенностей наций стало понятие менталитета, то в германской традиции – понятие культуры, что выражает теснейшую взаимосвязь между этими категориями.

В то же время в силу наличия в культуре не только ментальной, но и материальной составляющей имеет смысл относить к менталитету именно *ментальную* составляющую культуры, что выглядит достаточно тавтологично. При этом, поскольку любое общество мультикультурально, представляет собой сочетание культур различных этнических и социальных групп, то и соответствующий компонент национального менталитета тоже имеет многосоставной характер.

К ядерным составляющим менталитета, естественно, следует добавить и *национальную идентичность*, то есть чувство принадлежности к соответствующему народу – носителю данного менталитета. В результате, как пишет Е.А.Тимофеева, «можно констатировать наличие неразрывной связи и взаимного влияния этнической самоидентификации личности и национального менталитета» [Тимофеева, 2006, с. 556], с тем уточнением, что речь идет о связи и взаимовлиянии частей одного целого. Показательно и то, насколько противоречива эта идентичность, подчас принимающая негативный характер. Например, в трудах многих российских философов, таких как Н.А.Бердяев, «принятие на себя» основных особенностей российского менталитета сочетается с негативным отношением к ним и установкой на их преодоление.

Вместе с тем национальная идентичность является, в определенном смысле, узловым компонентом национального менталитета, результирующим его другие базовые составляющие, что отображено на рис. 1.

[Уважаемые читатели, рис. будет опубликован в ближайшее время. Приносим извинения за доставленные неудобства. Ред. журнала ПИ.]

Рис. 1. Структурные элементы национального менталитета.

Следует подчеркнуть, что каждый из описанных ядерных элементов менталитета имеет процессуальную и относительно статичную составляющие. Например, мышление представлено в нем и как определенные мыслительные установки, характерные для данного менталитета, например типовые схемы причинного объяснения социальных событий (каузальной атрибуции), и как процесс, характеризующийся определенными динамическими (например, доказано, что представители одних народов принимают решения в целом быстрее, чем других) и структурными (типовая «логика», точнее, «психологика» и т.п.) свойствами. То же самое можно сказать о коллективной памяти, которая включает одновременно и хранимые в ней образы, и процесс оперирования ими (в том числе и определенные защитные механизмы их искажения), и о других слагаемых менталитета.

Естественно, базовые составляющие менталитета несут на себе печать его отмеченных выше общих качеств, таких как интериндивидуальная и временная *изменчивость* и др. Например, коллективная память, являясь одной из ядерных составляющих менталитета нации, основ ее идентичности и психологической консолидации, как и менталитет в целом, достаточно изменчива и противоречива. Некоторые ее элементы блекнут, а то и вообще стираются со временем. Например, полет Юрия Гагарина был значимой составляющей коллективной памяти и предметом общей гордости советских людей, а значительная часть современной российской молодежи не знает, кто был первым в мире космонавтом. Одни и те же события, такие как Октябрьская революция и Гражданская война, по-разному «вспоминаются» и вызывают совершенно разные эмоции у различных слоев населения.

В то же время отсутствие как оценочного, так и когнитивного консенсуса по поводу элементов коллективной памяти не вычеркивает их из нее, а подчас, напротив, делает ее более эмоционально «разогретой» и значимой частью. А изменчивость подобных слагаемых менталитета не лишает их инвариантной составляющей: очевидно, что в нашей истории есть события, которые мы будем помнить всегда, вне зависимости от изменения идеологической и политической конъюнктуры.

Вообще же, по всей видимости, существуют как более устойчивые компоненты национального менталитета, мало зависящие от исторических обстоятельств, так и его более гибкие элементы, в большей степени подвластные их влиянию.

Очевидно и глубокое *взаимопроникновение* основных составляющих менталитета, возможность их отделения друг от друга лишь в абстракции. Например, коллективные представления служат основой коллективной памяти, и наоборот, коллективные эмоции присутствуют и в коллективной памяти, и создают эмоциональный фон коллективных представлений, национальный стиль мышления пронизывает все основные компоненты менталитета и сам базируется на них и т.п.

Возможно, к проблеме выделения базовых компонентов менталитета имеет смысл подойти и с «обратной» стороны, рассмотрев вопрос о том, какие специфические элементы национальной психологии *не следует* включать в их состав, дабы не превратить соответствующее понятие в своего рода «резиновое», не имеющее концептуальных границ. В этой связи имеет смысл обозначить два основных ограничения, препятствующих его чрезмерному расширению.

1. Включение в него слишком частных психологических характеристик, которые фактически входят в состав других, более общих. Например, хорошо известная большая пунктуальность одних народов (классический стереотип – немцы) и меньшая других (в основном южных), такие их выявляемые в психологических исследованиях характеристики, как различный размер «зоны тела»^[14] и т.п., являются реальными и достаточно значимыми особенностями национального менталитета. Вместе с тем их вполне можно отнести к его поведенческой составляющей, не выделяя ту или иную из них в качестве его самостоятельного компонента, равно как и такие национальные черты, как отраженные нашим кинематографом «Особенности национальной рыбалки», «Особенности национальной охоты», «Особенности национальной политики» и т.п.

2. К базовым составляющим менталитета стоит относить не всякий достаточно глобальный психологический процесс, даже если он и имеет национальную специфику. Например, воля, внимание и др., наверняка имеют некоторые особенности у разных народов (хотя результаты соответствующих психологических исследований неполны и довольно противоречивы). Однако, во-первых, подобные различия между народами менее выражены, нежели личностные, возрастные и прочие различия между представителями одних и тех же народов. Во-вторых, подобные различия могут выражать самые различные факторы, среди которых факторы, формирующие особенности национального менталитета – исторические, геополитические и др., – занимают далеко не самое заметное место, и, соответственно, такие различия трудно считать выражающими особенности *собственно менталитета* [15].

Эти особенности проявляются во многих элементах национальной культуры, имеющих ярко выраженную психологическую специфику, например, в праздниках (подробнее см. [Воловикова и др., 2003]). Однако подобные элементы содержат в себе практически все описанные базовые компоненты национального менталитета и, имея свою «синтетическую» специфику, все же в основном исчерпываются ими.

В дополнение к обсужденным в тексте предпосылкам систематизации менталитета можно сформулировать также ряд общих утверждений относительно этого понятия.

1. Любая нация формируется в уникальных именно для нее условиях – географических, климатических, исторических, экономических социально-политических и др., которые неизбежно влияют на ее психологию. Поэтому любой народ имеет свой, специфический именно для него менталитет.
2. Чем в более сходных условиях формируется психология наций, тем ближе их менталитеты. Соответственно, чем уникальнее эти условия, тем более специфический характер имеет и национальный менталитет.
3. Факторы, оказывающие влияние на национальную психологию, действуют *постоянно*, эта психология находится под их перманентным воздействием, к тому же к одним факторам регулярно добавляются другие, в результате чего национальные менталитеты находятся в постоянном изменении и никогда не носят «законченного» характера.
4. Вместе с тем одни компоненты национальных менталитетов имеют более изменчивый характер, чем другие, и в любом постоянно изменяющемся менталитете существует относительно стабильное ядро.
5. Общие характеристики национального менталитета всегда накладываются на психологические особенности различных этнических, социальных и прочих групп, а также конкретных личностей. В результате в любом обществе на фоне базового существует и ряд более частных типов менталитета, а характеристики базового менталитета всегда представлены в преломлении групповыми и личностными особенностями.
6. Подобные обстоятельства не «размывают» общее понятие менталитета, но делают его, подобно ключевым понятиям, например, физической науки, достаточно релятивным и требующим рассмотрения в системе других, дополняющих его понятий.

Заключение

Представленная в этой статье рабочая схема анализа менталитета – всего лишь руководство к действию и, естественно, не носит сколь-либо законченного характера. Возможны как ее расширение – включение в нее других базовых составляющих менталитета, так и укрупнение – объединение этих составляющих в более общие блоки.

Наиболее очевидными шагами дальнейшего анализа проблемы представляются: а) уточнение и «оптимизация» базовой схемы менталитета; б) разработка на ее основе типовой *структуры*

менталитета, предполагающей обозначение взаимоотношений между ее элементами; в) описание периферической части этой структуры, надстраивающейся над ее ядерной частью; г) разработка операциональных схем анализа менталитетов, способной интегрировать их эмпирические исследования; д) структурирование различных видов менталитета как «наверху» – на уровне национального менталитета, так и «внизу» – на уровне базовых, модальных личностей.

Финансирование

Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 12-06-002008.

Литература

Абульханова К.А., Брушлинский А.В., Воловикова М.И. (Ред.). Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Институт психологии РАН, 1997.

Акопов Г.В., Рулина Т.К., Привалова В.М. Менталистика как историко-психологическое направление науки. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 453–455.

Артемьева Т.И. Проблема менталитета русского народа в трудах И.А.Сикорского. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 298–305.

Ахмарова Г.С. Истоки формирования купеческой ментальности. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 459–461.

Бердяев Н.А. Душа России. В кн.: Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 295–312.

Буянова Ю.В. История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 168–171.

Верч Дж. [Wertsch J.] Коллективная память. В кн.: А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж (Ред.), Междисциплинарные исследования памяти. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 33–46.

Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология и праздник. М.: ПЕР СЭ, 2003.

Вундт В. [Wundt W.] Проблемы психологии народов. В кн.: Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН, 1998.

Вяльцев С.В. Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования. Объединенный научный журнал, 2004, No. 4, 21–22.

Гостев А.А. Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 22–32.

Гусельцева М.С., Кончаловская М.М., Марцинковская Т.Д., Уварина Е.Ю. Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. М.: Нестор-История, 2012.

Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье: РА Тандем-У, 1998.

Программа развития ООН (ПРООН). Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Весь мир, 2007.

Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности. Вопросы психологии, 1997, No. 4, 75–86.

Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ. Вопросы психологии, 1993, No. 5, 20–29.

Емельянова Т.П. Коллективная память с позиций конструкционизма. В кн.: А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж (Ред.), Междисциплинарные исследования памяти. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 17–32.

Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов. 2-е изд. Гомель: Гомельский гос. тех. университет им. П.О.Сухого, 2005.

Леви-Брюль Л. [Levy-Bruhl. L.] Первобытный менталитет. СПб.: Европ. дом, 2002.

Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.

Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.

Малафеева С.Л. Влияние памятников истории и культуры на формирование исторического сознания и патриотических чувств личности (на примере дворцово-парковых ансамблей России). В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 555–561.

Насиновская Е.Е. Возрождение характерологии. Психологический журнал, 1998, 19(1), 180–182.

Родштейн М.Н. Становление гендерной психологии: парадигма ментальностей. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 268–271.

Российская ментальность: материалы круглого стола. Вопросы философии, 1994, No. 1, 25–54.

Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2007.

Сикорский Б.Ф. Н.А.Бердяев о роли национального характера в судьбах России. Социально-политический журнал, 1993, No. 9–10, 101–110.

Сикорский И.А. Русские и украинцы. Киев: Тип. С.В.Кульженко, 1913.

Синякина Е.Г. Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 593–604.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Акад. проект, 1999.

Сулакшин С.С. (Ред.). Национальная идея России. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 1.

Тимофеева Е.А. Национальный менталитет и этническая самоидентификация. В кн.: История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 554–557.

Усенко О.Г. К определению понятия менталитет. В кн.: Русская история: Проблемы менталитета. М.: Институт Российской истории РАН [Б.и.], 1994.

Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Assman J. Moses the Egyptian: The memory of Egypt in Western monotheism. Cambridge, MA: Harvard

University Press, 1997.

de Castro C. Estereotipos de nacionalidad en un grupo latinoamericano. Revista de psicología general y aplicada, 1968, 23(92), 235–267.

Halbwachs M. La memoire collective. Paris: Presses Universitaires de France, 1950.

Примечания

[1] Как отмечают М.С.Гусельцева и др., «исследование и описание “русского характера и русской души” стало одной из самых актуальных проблем, которой уделили внимание практически все ученые XIX–XX вв.» [Гусельцева и др., 2012, с. 23], «Нет практически ни одного крупного психолога, философа, юриста, историка, который бы в том или ином контексте не касался этой проблемы» [Там же. С. 45].

[2] Используются и более экзотические понятия, такие как «коллективная психосфера», «групповые поля сознания», «ноогенные матрицы», «эгрегориальные структуры» (подробнее см. [Гостев, 2010]) и др.

[3] Несмотря на то что «Некоторые авторы, рассматривающие этносы как социально-экономические единицы, отрицают саму возможность выделения их ментальностей – стабильных систем представлений» [Стефаненко, 1999, с. 140].

[4] Имеются и исследования, демонстрирующие различия этих менталитетов, например, исследование И.А.Сикорского [Сикорский, 1913]. Вместе с тем возможна и политическая подоплека подобных исследований: когда мы жили в одной стране, мы обращали внимание на наши различия, когда стали разными государствами, заговорили о своем сходстве.

[5] Подобная идея получает продолжение в представлении о том, что и в рамках отдельной личности могут сосуществовать разные менталитеты, что, по мнению некоторых исследователей, вообще «хоронит» данное понятие.

[6] С.Лурье характеризует модальную личность как типовую для данного общества [Лурье, 1997]. Т.Г.Стефаненко уточняет, что модальная личность – «это не “средняя” личность, а чаще всего встречающаяся. Иными словами, использование понятия модальной личности не предполагает, что все или даже большинство членов общности имеют одну и ту же личностную структуру» [Стефаненко, 1999, с. 63].

[7] Иногда одновременно перечисляются как позитивные, так и негативные качества (см., например, [Национальная идея России, 2012]).

[8] А И.А.Сикорский не только подчеркивал, что основные черты характера народа заложены на бессознательном уровне, но и утверждал, что область бессознательного занимает особое место в душе русского народа [Сикорский, 1993].

[9] В то же время Т.Г.Стефаненко акцентирует, что представители школы «Анналов» предпочли эту категорию «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим более или менее близким понятиям [Там же].

[10] Отметим, что похожие составляющие обычно выделяются и в структуре реалий, выражаемых родственными понятию менталитета категориями, при этом разные исследователи делают акцент на разных компонентах. Например, как отмечает Т.Г.Стефаненко, «говоря о национальном характере, одни авторы подразумевали прежде всего темперамент, другие обращали внимание на личностные черты, третьи – на ценностные ориентации, отношение к власти, труду и т.д.» [Стефаненко, 1999, с. 136].

[11] В эти представления, видимо, следует включить и *коллективное трансцендентное* – религиозные

и прочие представления о мире, жизни и смерти и т.п., а также соответствующие *образы*, образующие важную часть «архетипов» коллективного бессознательного (и сознания).

[12] Вообще эту структуру, по-видимому, можно считать достаточно универсальной, характерной не только для установок, но и для других социально-психологических феноменов.

[13] Он же отмечает, что «число определений коллективной памяти соответствует числу ее исследователей» [Там же. С. 33]. При этом часто упоминаются близкие, а иногда и синонимичные понятия – «общественная память», «привычная память» [Там же], «социальная память» и др.

[14] Т.е. физической дистанции между людьми, которую они соблюдают при общении.

[15] Из чего, видимо, следует целесообразность различения особенностей народов, релевантных и иррелевантных (или мало релевантных) их менталитету.

Поступила в редакцию 3 апреля 2013 г. Дата публикации: 28 июня 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Юревич Андрей Владиславович. Доктор психологических наук, член-корреспондент РАН; заместитель директора, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: yurev@orc.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета. Психологические исследования, 2013, 6(29), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)